

Научная статья
УДК 73(091)(571.54)
DOI 10.46748/ARTEURAS.2023.03.004

Из династии кузнецов-дарханов: о творчестве бурятского скульптора Гэсэра Зодбоева

Бороноева Татьяна Анатольевна

*Национальный музей Республики Бурятия, Улан-Удэ, Российская Федерация
tatboronoeva@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0042-6779>*

Аннотация. Статья посвящена творчеству бурятского скульптора Гэсэра Зодбоева (1963–2007), потомственного кузнеца-дархана. Его дальний родственник — выдающийся буддийский скульптор, художник и философ Санжи-Цыбик Цыбиков, который стоял у истоков уникальной школы «оронгойских» мастеров. Семья Гэсэра Зодбоева — продолжатели народных традиций и профессиональные художники: отец, Батор Гармаевич, и дядя были резчиками по дереву. Его творчество глубоко национально и восходит в своей стилистике к древним истокам. Исследование с использованием метода сравнительного искусствоведческого анализа показало, что образы Гэсэра Зодбоева тесно связаны с автохтонными художественными традициями центральноазиатских и бурятских кузнецов, плотников, ремесленников. Культурное наследие кочевников Великой Степи сохраняет код древнего искусства в орнаментальных узорах и рисунках начиная со времен петроглифов. Г. Зодбоев — художник цельный и в своем творчестве воплотил лучшие традиции бурятского народного искусства.

Ключевые слова: скульптуры Гэсэра Зодбоева, Батор Зодбоев, Санжи-Цыбик Цыбиков, «оронгойские» мастера, творчество бурятских ремесленников, искусство Бурятии, художественные традиции кочевых народов

Благодарности: автор выражает благодарность Дмитрию и Лине Ермонтович (галерея «ЛеАрт», Иркутск), Я.Д. Васильевой (директору Института XII Пандидо Хамбо ламы Даши-Доржо Итигэлова), Т. Мадаевой-Зодбоевой, Петру Гармаеву (скульптору, ученику Гэсэра Зодбоева) за помощь в проведении данного исследования. Фотографии работ Г. Зодбоева предоставлены Д. Ермонтовичем.

Для цитирования: Бороноева Т.А. Из династии кузнецов-дарханов: о творчестве бурятского скульптора Гэсэра Зодбоева // *Искусство Евразии* [Электронный журнал]. 2023. № 3 (30). С. 46–57. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2023.03.004>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1034>

Original article

From the dynasty of blacksmiths-darkhans: about the work of the Buryat sculptor Geser Zodboev

Tatyana A. Boronoeva

National Museum of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Russian Federation
tatboronoeva@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0042-6779>

Abstract. The article presents an analysis of the work of the Buryat sculptor Geser Zodboev (1963–2007), a hereditary darkhan-blacksmith. His distant relative is the outstanding Buddhist sculptor, artist and philosopher Sanzhi-Tsybik Tsybikov, who stood at the origins of the unique school of “Orongoy” masters. Geser Zodboev’s family is creative: his father, Bator Garmaevich Zodboev, and his uncle were artists — wood carvers. His work is deeply national and goes back in its style to ancient origins. The images of Geser Zodboev are closely connected with the autochthonous artistic traditions of Central Asian and Buryat blacksmiths, carpenters, and artisans. The cultural heritage of the nomads of the Great Steppe preserves the code of ancient art in ornamental patterns and drawings, starting from the time of petroglyphs. G. Zodboev is an integral artist and in his work he embodied the best traditions of the Buryat folk art. The study is based on the method of comparative art history analysis.

Keywords: sculptures by Geser Zodboev, Bator Zodboev, Sanzhi-Tsybik Tsybikov, “Orongoy” craftsmen, creativity of Buryat artisans, art of Buryatia, artistic traditions of nomadic peoples

Acknowledgments: the author expresses her gratitude to Dmitry and Lina Ermontovich (Le Art Gallery, Irkutsk), Ya.D. Vasilyeva (director of the 12th Pandido Khambo Lama Dashi-Dorzho Itigelov Institute), T. Madaeva-Zodboeva, Petr Garmaev (sculptor, student of Geser Zodboev), who have helped in carrying out the research. Photos of G. Zodboev’s works were provided by D. Ermontovich.

For citation: Boronoeva, T.A. (2023) ‘From the dynasty of blacksmiths-darkhans: about the work of the Buryat sculptor Geser Zodboev’, *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, (3), pp. 46–57.
doi:10.46748/ARTEURAS.2023.03.004. Available from: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1034> (In Russ.)

Введение

Бурятская школа скульптуры — явление уникальное. Стилистика бурятской скульптуры опирается на автохтонную почву кочевнического искусства. «Начиная с III века до н.э. Забайкалье составляет одну из периферий масштабных передвижений племен и народов в степях Центрально-Азиатского материка, по которому проходили “великие торговые пути”, соединявшие страны Восточной Европы, Передней, Средней и Восточной Азии. Первое государственное образование кочевников — могучая хуннская держава», покорив многие лесные народы, в том числе и племена «плиточной культуры» в долинах

Селенги, Чикоя и Джиды, основала ряд оседлых ремесленно-земледельческих поселений [1, с. 18]. Одним из крайних северных форпостов хуннской империи было Иволгинское городище, расположенное в 15 км от города Улан-Удэ. Именно высокий уровень материальной культуры хуннского городища позволяет рассматривать его как важный ремесленный центр кочевых народов того времени. Особенностью сложившегося здесь «скифосибирского» стиля было выражение могущества кочевническо-скотоводческих племен, распространившихся по степному поясу Евразии начиная с VII в. до н.э. На разных этапах своего развития эта идея получала различные смысловые оттенки

и в конечном счете обрела сложно-ассоциативную образность и многогранность [1, с. 21].

Так, одним из базовых элементов изобразительных средств центральноазиатских мастеров, преемственность которых сохраняется в предметах быта и прикладном искусстве, является спиралевидный орнамент. Два простейших элемента монгольского орнамента — эрхий и онги «являются формами двух спиралей, называемых в математике логарифмической — спиралью Фибоначчи и Архимедовой спиралью. Первая имеет значение динамичности, роста, развития, а вторая — ритмичности, стабильности, равновесности» [2, с. 89]. Как оказалось, и кочевническая, и буддийская эстетика слагаются из одних и тех же кирпичиков-атомов золотой спирали жизни. С.-Х.Д. Сыртыпова делает вывод о том, что «графика кочевнического искусства подчинена двум главным идеям — цикличности ритма и движению роста. Иными словами, это передача органичного сочетания вечности и изменчивости мира. Привязанность монголов к этой архаичной “линии жизни” обнаруживается в разновременных памятниках Монголии: петроглифах, оленных камнях, войлочных коврах хуннуской и новой эпох, в изделиях прикладного искусства...» [2, с. 89].

Богатейшее наследие кочевников Великой Степи прошло через руки древних ремесленников и кузнецов-дарханов и стало той основной линией преемственности для современных художников, каким был скульптор Гэсэр Зодбоев (1963–2007). Мастеров кузнечного и ювелирного дела (дарханов) ценили и уважали, их работа была сродни таинству шаманов. Большинство секретов передавалось по наследству и только посвященным. Дарханам приписывалось божественное происхождение, а их могущество приравнивалось к явлениям вселенского масштаба [3, с. 41]. Исследование с использованием метода сравнительного искусствоведческого анализа позволяет обнаружить в творчестве Гэсэра Зодбоева как связь с автохтонными художественными традициями центральноазиатских и бурятских мастеров народного искусства, так и черты особого стиля художника — в создании фантазийных образов, пластичности объемов, проработке деталей и т.д.

Линия преемственности

В своей автобиографии, написанной по просьбе друзей Дмитрия и Лины Ермонтович, создателей галереи «Гороо» (новое название «ЛеАрт»), художник указал основные ориентиры: «Я, Гэсэр Баторович Зодбоев, родился 3 мая 1963 года в городе Улан-Удэ в семье художника-скульптора Батора Гармаевича Зодбоева. В своем творчестве я отображаю культурно-историческое наследие бурят-монголов. 1) Шаманизм, 2) буддизм,

3) сказания, легенды, 4) быт бурят (обычаи и обряды)». Далее он перечисляет своих предков и родственников, которые относились к племени Олзон и в XVI–XVII вв. переселились с территории Иркутской области на восточное побережье озера Байкал. Так, XII Пандидо Хамбо лама Даши-Доржо Итигэлов приходился дядей прадеду скульптора и был участником празднеств, посвященных 300-летию Дома Романовых. Дальний родственник — Санжи-Цыбик Цыбиков (1877–1935), буддийский художник, скульптор, основатель «оронгойской» школы скульптуры. Прадед Гарма Цыренович Васильев (Башлиев) был станичным атаманом, участником боевых действий 1905 года в Порт-Артуре. Оба деда, участники Великой Отечественной, воевали на Восточном фронте, а в мирное время Даба Гармаевич Васильев работал учителем алгебры и геометрии, а Дагба Бадмаевич Энкеев — механизатором. Другом отца был первый в Бурятии дипломированный скульптор-монументалист Эрдэни Дамбаевич Цыденов (1934–1983). Отец Батор Гармаевич Зодбоев (1940–1977) — скульптор, окончил Московское художественное училище имени М.И. Калинина, член Союза художников СССР. Дядя Булат Дагбаевич Энкеев (1942–2016) окончил Абрамцевское художественное училище, член Союза художников СССР [4, с. 68–69]. Художник подробно рассказывает о своих великих предках, гордится ими, чувствует свою сопричастность к художественной традиции.

Земля Бурятии богата талантами. Особая энергетика есть у каждого места. По справедливому замечанию П.В. Никитиной, «характерный ландшафт этнической территории бурят — озера, Байкал, степи, запечатленные в сознании народа как символ этнической принадлежности, неизменно присутствует в генеалогических преданиях. В течение долгого времени буряты вели кочевой образ жизни, и, безусловно, их мировоззрение состоит из глубокого и гармоничного единства человека и природы» [5, с. 149].

Такой особой сакральной территорией, на которой выросли все эти талантливые художники, является Оронгойская степь. Именно здесь родился великий лама Даши-Доржо Итигэлов (1852–1927), чье нетленное тело говорит верующим о том, что он достиг высшего сознания, связанного с пустотой. Феномен Итигэлова — это загадка для нынешнего поколения, он оставил свое тело, чтобы мы стремились к просветлению [6, с. 45].

Лама Итигэлов (рис. 1) был настоятелем Янгажинского дацана, большого монастырского комплекса, главного в Оронгойской долине. Именно здесь при Янгажинском дацане сформировалась знаменитая школа оронгойских мастеров. Традиции народного искусства, передача накопленных знаний, опыта многих поколений резчиков

1. XII Пандидо Хамбо
лама Даши-Доржо
Итигэлов.

1913.

Фотография.

Национальный музей

Республики Бурятия

по дереву, способов его обработки, переосмысление и переработка полученных знаний — всё это стало стимулом для создания и развития школы. Во главе ее стоял Санжи-Цыбик Цыбиков, авторитетный мастер, обладавший незаурядными способностями, талантом и достигший определенных высот в своем творчестве. Он являл собой личность, которая соответствовала этическим требованиям буддийского художника, был известен как лама-философ по образованию. Именно ему было суждено создать школу деревянной резьбы, которая впоследствии прославилась знаменитыми оронгойскими скульпторами-универсалами. Произведения этих мастеров считаются эталонными, оставившими заметный след в бурятском искусстве [7, с. 17].

Санжи-Цыбик Цыбиков родился в местности Очир-Булак, на родине Даши-Доржо Итигэлова, великого ламы. Он получил образование в Янгажинском дацане, где завершил учебу на философском факультете в степени гэбши. Позже он стал заниматься художественной резьбой, скульптурой и строительным делом и постепенно собрал вокруг себя мастеровых, народных умельцев, составивших ядро знаменитой школы. Прекрасно

разбираясь в канонах буддийского искусства, мастер сам мог произвести расчеты и прочертить схемы изображений тех или иных божеств, он изучил модули: меры, основанные на размерах ладони и пальцев, а главное — обладал даром Учителя и мог обучать тонкостям искусства своих учеников. В творчестве С.-Ц. Цыбикова дерево было основным материалом. Но особенно любил он кедр, мягкая древесина которого поддавалась резцу, а пластические свойства отвечали его стремлению к лаконичности и обобщенности форм. Мастер создал множество выдающихся произведений [7, с. 23]. Среди них — яркий скульптурный комплекс из 37 скульптур, объемная мандала Сарвавид Вайрочаны (санскр.), или Гунриг (тиб.). Мандала Будды Вайрочаны считается одной из древнейших мандал индийского происхождения. Сарвавид Вайрочана изображается с четырьмя ликами, смотрящими в разные стороны, в этом случае он воплощает аспекты всех Дхьяни будд. Скульптурная мандала признана памятником федерального значения. В коллекции Национального музея сохранился еще ряд безупречных по исполнению работ С.-Ц. Цыбикова и его учеников. Среди них — триада будд долголетия: Белая Тара, Амитаюс, грозный Жамсаран, портрет Цзонхавы с учениками. Триада «Цзонхава с учениками» принадлежала XII Пандидо Хамбо ламе Даши-Доржо Итигэлову [7, с. 25]. Предполагается, что они были выполнены мастером и преподнесены в дар Великому Учителю.

Одна из уникальных работ мастера — посмертная скульптура ширэтээ ламы Янгажинского дацана Лубсан Ниндага Банзаракцаева, где сочетается полное портретное сходство с обобщенным образом духовного Учителя [7, с. 24]. Бурятский художник Санжи-Цыбик Цыбиков был духовно связан с великим монгольским скульптором, первым Богдо-гэгэном Монголии Дзанабадзаром (1635–1723). Произведениям обоих мастеров свойственны реалистичность и умение совместить требования канона с выражением собственного видения [2, с. 175].

Линия творческой преемственности Санжи-Цыбик Цыбикова продолжилась в среде родственников. Отец Гэсэра Зодбоева — Батор Гармаевич (рис. 2) был великолепным резчиком по дереву, продолжающим традицию бурятских дарханов-ремесленников.

Интересен его триптих с изображением трех основных занятий бурят скотоводов и охотников (1972, дерево, резьба). В центральной части женщина нежно прижимает к себе ягненка («Чабанка», дерево, резьба, 78,5 x 46,5 x 4). Контуры линий плавные, текучие, повторяющие верхнее арочное завершение деревянной доски. Левая и правые части триптиха композиционно выверены, те же

скругленные плавные линии, и чабан и охотник пытаются по-своему усмирить животных. Ритм рогов изюбра и завитки гривы коня словно сошли с бронзовых пластин хуннского времени («Охотник», дерево, резьба, 47,4 x 84 x 4; «Табунщик», дерево, резьба, 47 x 84 x 4).

Батор Зодбоев и Булат Энкеев, дядя Гэсэра Зодбоева, — продолжатели традиций знаменитой «оронгойской» школы. Ее мастера прославились как строители, резчики по дереву и мастера по художественной росписи жилища, мебели и утвари. Они выполняли подряды не только в бурятских, но и русских селениях, работая в том стиле, который был продиктован вкусом заказчиков. В старообрядческих русских селах до сих пор сохранились их росписи стен, потолков, печек, наличников, мебели и деревянной утвари [8, с. 7]. Созданные ими деревянные резные панно отличается особая изобразительная манера со свойственной ей нарочитой примитивностью, спокойной и выдержанной статикой.

В современном декоративно-прикладном искусстве и скульптуре Бурятии «прослеживаются две взаимодействующие традиции. Одна характеризуется сильным влиянием творческого наследия, идущего из глубины веков, другая связана с приобретением навыков и умений русской реалистической школы скульптуры. Развитие этих двух тенденций проходит не в автономном отрыве друг от друга, а во взаимном проникновении и обогащении средствами выражения» [9, с. 159], в бурятской пластике сила традиции велика и идет из глубины веков.

Пространство Гэсэра

Становление и путь художника Гэсэра Зодбоева связаны с кочевнической эстетикой ремесленников хунну, с буддийской изобразительной традицией школы Санжи-Цыбик Цыбикова, а главное — опираются на базовые основы бурятского народного искусства.

Гэсэр Баторович Зодбоев (рис. 3) получил образование в Красноярском художественном институте на отделении керамики (1988–1995). Красноярская художественная школа воспитала многих талантливых бурятских художников. Среди них можно назвать имена академика РАХ, заслуженного художника России Даши Намдакова (1967) и заслуженного художника Бурятии Зорикто Доржиева (1976). Гэсэр начал учиться раньше, потом пришел Даши, а уже позднее поступил Зорикто. Главное, что объединяет этих трех разных художников, — глубокая связь с традицией, с той самой кочевнической эстетикой времен хунну,

родовыми истоками бурятских кузнецов-дарханов, наследников Великой Степи. Можно согласиться с оценкой А. Боровского: «Зорикто видит в Великой Степи некое обобщение, коллективное тело, а в населяющем ее народе — образ Кочевника, в крови которого, помимо прочих, есть гены Темуджина» [10, с. 11].

Гэсэр Зодбоев создает свой образ Степи. Его герои — мужественные воины, мудрые старцы, шаманы, борцы, дети, матери. П.В. Никитина отмечает: «Он не делает конкретного акцента на степных сюжетах в своих работах, но выражает в образах ту самую философию Степи, в которой она является пространством, миром, представляющим бурятское социально-культурное, философское бытие» [5, с. 150]. Это движение реализуется в словно выветренных воздушными потоками бронзовых скульптурах «Полет» (2006, рис. 4–5), «Пространство» (2007, рис. 6). Стихийные, ритмически выразительные, словно меняющиеся в пространстве образы создают особый концепт изменяющейся, подвижной степи и парящих в небе орлов. Возможно, шаманы или просто жители степи замерли на секунду в магическом трансе «медитации, когда мир становится единым цельным пространством и человек неотделим от него» [5, с. 150]. Скульптуры Гэсэра неотделимы от пространства, вписаны в него, и окружающий мир вокруг произведения также включен в эту медитацию — «эта особенность связана с мировоззрением бурят, суть которого в том, что человек, как и животное, и насекомое, является неотъемлемой частью мироздания» [5, с. 150].

Образы Гэсэра Зодбоева «абсолютно живы и выразительны. Они запоминаются своей одухотворенностью, в них выражены народный ум и характер. Скульптор повествует о жизни, традициях и культуре бурятского народа, вплетая в нить неспешного повествования собственные переживания и эмоции»¹. Трогательный образ дедушки, несущего на своей спине маленького мальчика в работе «Дед с внуком» (2000, бронза, 23 x 14 x 14), — это воспоминание из детства. Мальчик, прижимающийся к надежной и сильной спине дедушки, — сам Гэсэр.

«Богатая фантазия и безукоризненный вкус мастера превращают каждый бытовой сюжет — рыбалку, охоту, работу пастушком в целостный поэтический образ, наполненный любовью и теплотой. Во многих работах мастера угадываются реальные жизненные прототипы, обобщены его многолетние наблюдения»² — «Охотник» (2002, рис. 7), «Пастушок» (2002, рис. 8), «Первый снежок» (2002, бронза, 21 x 19 x 19). В его скульптурах

¹ Кабунова А. Бесценная сокровищница России: новые поступления Иркутского музея в 2002–2006 // Музеи России [сайт]. URL: <http://www.museum.ru/N28991> (дата обращения: 19.07.2023).

² Там же.

2. Батор Гармаевич
Зодбоев

3. Гэсэр Баторович
Зодбоев

словно оживают сказки, рассказанные в детстве. Причудливо и декоративно-изысканно воплотились в «Воине нижнего мира» (2004, рис. 9) детские представления о суровом страже, охраняющем границы между мирами.

Пластика Зодбоева гармонична, линии — плавные и ритмичные одновременно. Тот самый спиралевидный орнамент (эрхий) как основа кочевнической эстетики становится доминантой в произведениях художника. Так, например, в удивительно теплой скульптуре «Ожидание» (2000, рис. 10) вечная спираль жизни пластически наполнена объемом. Женщина готовится стать матерью, всё ее тело словно прислушивается к происходящему внутри — это диалог о вечном матери и будущего дитя. Плавность линий здесь служит выражению абсолютной материнской любви.

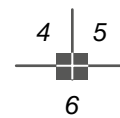
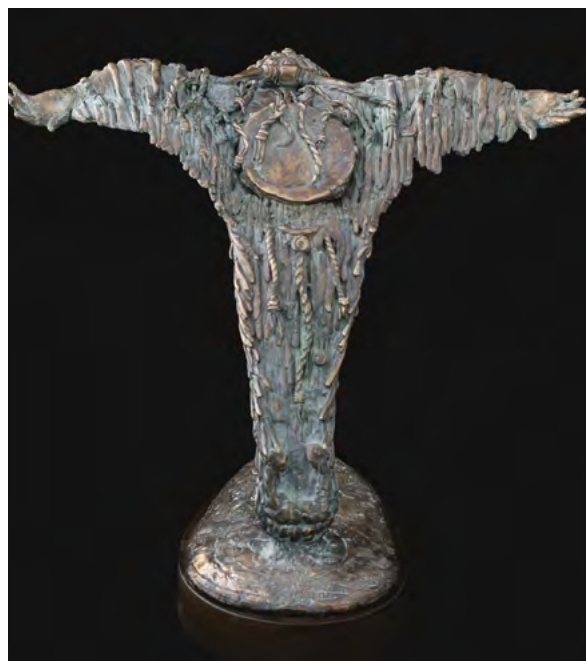
Композиция «Первая молитва» (2001, рис. 11) удивительно тонко балансирует между миром земным и духовным. Мальчик застыл, подняв вверх ладони в жесте почитания. Вся его поза, сосредоточенное лицо с закрытыми глазами говорят об осознании важности происходящего события — молитвы как общения с потусторонним — и одновременно о детской вере в чудо.

В последние годы мастер много и плодотворно работал над монументальными буддийскими образами «Калачакра» и «Будда Шакьямуни» совместно

с Дмитрием Будажабэ. Обращение к буддийскому пантеону для Гэсэра Зодбоева было органичным, словно обращение к своим предкам, к работам великого земляка и Мастера Санжи-Цыбик Цыбикова.

Прожив короткую, но яркую жизнь, Гэсэр Зодбоев оставил нам своего ученика и последователя — Петра Гармаева (1983). В жизни их обоих особую роль сыграла встреча с семьей иркутских галеристов Дмитрия и Лины Ермонтович. Галерея «Гороо» (новое название «ЛеАрт») помогла Гэсэру раскрыться как художнику: это был диалог друзей и поддержка коллекционеров одновременно. С начала 2000-х годов именно галерея занималась выставочной деятельностью и популяризировала его творчество. Одним из последних совместных выставочных проектов в содружестве с Национальным музеем Республики Бурятия была полная персональная выставка художника в 2022 году в зале Музея имени Ц. Сампилова, в которую вошли и воплощенные в материале эскизы («Равновесие», 2016; «Встающий», 2022). Важно, что работы Гэсэра были впервые представлены вместе с произведениями отца и дяди мастера.

После раннего ухода Зодбоева в его мастерской остались формы. По роковому стечению обстоятельств часть из них исчезла, но сохранились фотографии. Благодаря обоюдному

4. **Г.Б. Зодбов.**

Полет.

2006.

Бронза.

27 x 32 x 32.

Галерея «ЛеАрт»,

г. Иркутск

5. **Г.Б. Зодбов.**

Полет.

Оборотная сторона.

2006.

Бронза.

27 x 32 x 32.

Галерея «ЛеАрт»,

г. Иркутск

6. **Г.Б. Зодбов.**

Пространство.

2007.

Бронза.

32 x 20 x 55.

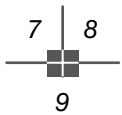
Галерея «ЛеАрт»,

г. Иркутск

желанию Петра Гармаева и семьи Ермонтович в 2016 и 2022 годах были восстановлены и отлиты в бронзе два произведения Гэсэра, которые остались в набросках и эскизах (в пластилине) — «Равновесие» и «Встающий». Пётр увеличил размер работы «Равновесие», слепил заново и сделал восковку. Получилась невероятно мощная

композиция. Перед зрителем создается образ воина — защитника всей земли. Он балансирует на шаре в полных доспехах и вооружении, руки его распахнуты в разные стороны, и девять торчащих за спиной и щитом стрел, как защитная оболочка, оберегают жителей земли от бед. В скульптуре «Равновесие» (рис. 12) в художественном

7. **Г.Б. Зодбоев.**

Охотник.

2002.

Бронза.

23 x 14 x 14.

Галерея «ЛеАрт»,

г. Иркутск

8. **Г.Б. Зодбоев.**

Пастушок.

2002.

Бронза.

25 x 15 x 15.

Галерея «ЛеАрт»,

г. Иркутск

9. **Г.Б. Зодбоев.**

Воин нижнего мира.

2004.

Бронза.

32 x 36 x 26.

Галерея «ЛеАрт»,

г. Иркутск

и образном решении идет отсылка к бурятскому героическому эпосу «Абай Гэсэр хубун».

Одна из последних работ Гэсэра «Встающий» (2022, рис. 13) также воссоздана и доработана Петром Гармаевым (первоначальный эскиз в пластине). Мы видим образ несломленного воина-борца, стоящего на коленях, голова склонена вниз, но в руках он сжимает лук. В этом мощном напряжении мышц заключены невероятная сила и мощь предков — кочевников непокоренной Великой Степи.

Заключение

Проведя сравнительный анализ творчества Гэсэра Зодбоева в контексте развития бурятской скульптуры, мы приходим к следующим выводам. Стилистика бурятской скульптуры опирается на автохтонную почву кочевнического искусства. В частности, одним из важных его эстетических элементов является спиралевидный орнамент. Творчество художника обнаруживает черты преемственности с работами бурятских кузнецов и ремесленников (дарханов), секреты мастерства и духовного опыта которых передавались по наследству. Скульптор Гэсэр Зодбоев является продолжателем великой духовной и художественной традиции своих родственников: Даши-Доржо Итигэлова, Санжи-Цыбик Цыбикова, Батора Зодбоева. Он создает свой образ Степи и людей, населяющих ее: достойных, радушных, чистых душой, искренних и открытых, мужественных и достойных. Мир Гэсэра Зодбоева гармоничен с природой степи, наполнен тихой музыкой, которая заставляет металл словно светиться изнутри. Теплые, живые, реалистические и одновременно мифологические образы в бронзе, пластичность объемов и тонкая проработка деталей, мягкая спиралевидность линий — всё это создает особый стиль работ мастера.

10. Г.Б. Зодбоев.

Ожидание.

2000.

Бронза.

26 x 16 x 16.

Галерея «ЛеАрт»,

г. Иркутск

11. Г.Б. Зодбоев.

Первая молитва.

2001.

Бронза.

27 x 13 x 13.

Галерея «ЛеАрт»,

г. Иркутск

12. **Г.Б. Зодбоев,**

П.А. Гармаев.

Равновесие.

2016.

Бронза.

58 x 22 x 53.

Галерея «ЛеАрт»,

г. Иркутск

13. **Г.Б. Зодбоев,**
П.А. Гармаев.
Встающий.
2022.
Бронза.
49 x 37 x 93.
Галерея «ЛеАрт»,
г. Иркутск

Список источников

1. Соктоева И.И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии. Новосибирск: Наука, 1988. 157 с.
2. Сыртыпова С.-Х.Д. Код Дзанабадзара (1635–1723): монгольский стиль и кочевническая эстетика в буддийском искусстве Ваджраяны. М.: ИВ РАН, 2022. 404 с.
3. Гомбоев Б.Ц. Культ серебра в этнокультурной традиции бурят (опыт трансляции духовного и культурного наследия) // Научное наследие И.И. Соктоевой в свете актуальных проблем современного изобразительного искусства / науч. ред. Б.Ц. Гомбоев, отв. ред. Т.В. Кочева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. С. 40–45.
4. Гэсэр Зодбоев : альбом / предисловие А. Кобуновой. Иркутск: Галерея Гороо, 2008. 69 с.
5. Никитина П.В. Мотив степи в произведениях бурятских скульпторов: к вопросу о поиске этнической парадигмы // Научное наследие И.И. Соктоевой в свете актуальных проблем современного изобразительного искусства / науч. ред. Б.Ц. Гомбоев, отв. ред. Т.В. Кочева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. С. 147–152.
6. Васильева Я.Д. Пандидо Хамбо лама Итигэлов. Смерти нет. Улан-Удэ: Институт Итигэлова, 2014. 191 с.
7. Бардалеева С.Б. Буддийская скульптура Бурятии : каталог. Улан-Удэ; Белгород: Константа, 2023. 303 с.
8. Каталог выставки из фондовых материалов Бурятского республиканского краеведческого музея имени М.Н. Хангалова и Художественного музея имени Ц.С. Сампилова / авт. ст. К.М. Герасимова, И.И. Соктоева. М.: [б. и.], 1970. 65 с.
9. Гомбоева А.Б. Традиции бурятской деревянной скульптуры в творчестве Геннадия Васильева // Байкальские встречи – XI: природа, человек и культура в XXI веке: вызовы и ответы / науч. ред.: И.С. Цыремпилова, Н.Б. Дашиева. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2020. С. 158–164.
10. Зорикто Доржиев. Степная история : альбом / сост. Л. Васильевская. СПб.: Palace Editions, 2008. 135 с.

References

1. Soktoeva, I.I. (1988) *Fine and decorative arts of Buryatia*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russ.)
2. Syrtypova, S.-Kh.D. (2022) *The Zanabazar Code (1635–1723): Mongolian style and nomadic aesthetics in Vajrayana Buddhist art*. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russ.)
3. Gomboev, B.Ts. (2018) 'The cult of silver in the ethno-cultural tradition of the Buryats (experience of translation of spiritual and cultural heritage)', in Gomboev, B.Ts. and Kocheva, T.V. (eds.) *Inessa Soktoeva's scientific heritage in the context of the current issues in modern fine arts*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, pp. 40–45. (In Russ.)
4. Kobunova, A. (comp.) (2008) *Geser Zodbœv [Album]*. Irkutsk: Goroo Gallery. (In Russ.)
5. Nikitina, P.V. (2018) 'The motif of the steppe in the works of Buryat sculptors: to the task of searching for an ethnic paradigm', in Gomboev, B.Ts. and Kocheva, T.V. (eds.) *Inessa Soktoeva's scientific heritage in the context of the current issues in modern fine arts*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, pp. 147–152. (In Russ.)
6. Vasilyeva, Ya.D. (2014) *Pandido Hambo Lama Itigelov. There is no death*. Ulan-Ude: Itigelov Institute. (In Russ.)
7. Bardaleeva, S.B. (2023) *Buddhist sculpture of Buryatia*. Ulan-Ude; Belgorod: Constanta Publ. (In Russ.)
8. Gerasimova, K.M. and Soktoeva, I.I. (comps.) (1970) *Catalogue of the exhibition from the stock materials of the Buryat Republican Museum of Local Lore named after M.N. Khangalov and the Art Museum named after Ts.S. Sampilov*. Moscow: s.n. (In Russ.)
9. Gomboeva, A.B. (2020) 'Traditions of Buryat wooden sculpture in the works of Gennady Vasiliev', in Tsyrempilova, I.S. and Dashieva, N.B. (eds.) *Baikal meetings – 11th. Nature, a man and culture in the 21st century: challenges and answers*. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, pp. 158–164. (In Russ.)
10. Vasilovskaya, L. (comp.) (2008) *Zorikto Dorzhiev. Steppe Story*. Saint Petersburg: Palace Editions. (In Russ.)

Информация об авторе

Бороноева Татьяна Анатольевна, кандидат искусствоведения, член-корреспондент Российской академии художеств; директор, Национальный музей Республики Бурятия, г. Улан-Удэ, Российская Федерация. Заслуженный деятель искусств Республики Бурятия, член Союза художников России, Ассоциации искусствоведов (АИС), tatboronoeva@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0042-6779>.

Information about the author

Tatiana Anatolyevna Boronoeva, Cand. Sc. (Art History), Corresponding Member of the Russian Academy of Arts; Director, National Museum of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Russian Federation. Honored Arts Worker of the Republic of Buryatia, member of the Union of Artists of Russia, and the Art Critics and Historians Association (AIS), tatboronoeva@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0042-6779>.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 07.09.2023; одобрена после рецензирования 23.09.2023; принята к публикации 26.09.2023.

The article was received by the editorial board on 07 September 2023; approved after reviewing on 23 September 2023; accepted for publication on 26 September 2023.